

Маким
Диденко

РОМАН-
ГАЗЕТА

Максим Диденко

Роман-газета

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68616073
SelfPub; 2022*

Аннотация

Сперва эта газетенка показалась мне совершенно обыкновенной, а ее реставрация по заказу обещала принести неплохой доход. Но очень скоро я пожалел, что трижды не подумал, прежде чем браться за работу. Кто же знал, что в эту ветхую бумагу заключена душа убитой девочки, а ответственность за ее дальнейшую судьбу, так грубо и без предупреждения, возложили на мои плечи!

Максим Диденко

Роман-газета

Когда ко мне в лавку впервые принесли одно из таких изданий для реставрации – роман-газету, из всех, кого я к тому времени знал, подобным еще никто не занимался. Я бы и сам не додумался, что это может быть настолько прибыльным делом, ведь уже на протяжении одиннадцати лет после окончания типографского факультета я то и дело печатал мелкие брошюры на стареньком принтере и восстанавливал затертые фотографии в одном из углов занюханного канцелярского магазинчика. Денег это дело приносило совсем мало, но рассчитывать на большее я не мог, кроме как на то, чтобы раз в пару-тройку лет обновлять оборудование, которое с каждым годом становилось все дороже, хотя все так же часто выходило из строя.

Один богатенький коллекционер попросил меня восстановить такую роман-газету, выпуск которой датировался июлем девяносто первого года, и предложил за работу кругленькую сумму. Я всегда думал, что подобные экземпляры ценятся гораздо выше именно в оригинале, каким бы ни было его нынешнее состояние, но никак не восстановленные и перепечатанные заново. Я ошибался, но лишь отчасти. Правда, что подобные художественные произведения в то время было довольно популярно выпускать в свет именно в таком

формате, но, как в итоге оказалось, роман, изложенный в данном выпуске, является не чем иным, как первым и единственным изданием великого мистика тех времен – Аластера Кормака. Он стал великим спустя десяток лет, написав множество шокирующих произведений и умер при загадочных обстоятельствах, а именно этот – первый номер – был первой из двух частей его дебютного творения, которое, как всем известно, после смерти автора приобретает невероятную ценность.

Также немаловажным является тот факт, что практически все ныне известные авторы, начиная свою писательскую деятельность, публиковали свои творения в подобных журналах и газетах. Они были вынуждены делать именно так в виду того, что крупных издательств на то время было совсем мало, а если автора еще никто не знает, то сразу попасть в их поле зрения было не так уж и просто. Другими словами, иного выбора молодые писатели просто-напросто не имели.

От просьбы я отказываться, конечно же, не стал, так как это была хорошая возможность не только заработать денег, но и расширить спектр предоставляемых мною услуг. Останется лишь надеяться, что кто-нибудь обратится ко мне с подобной задачей.

Сама же газета была в ужасном состоянии: те немногие иллюстрации, которые присутствовали на первой полосе и между главами, были полностью затерты, если не считать оставшихся после них пятен, а листы очень изветшали и да-

же выпадали, надрывались, если неаккуратно ее поднять со стороны корешка. Мне потребовалось быть крайне осторожным, чтобы не завершить то, что начала природа, а именно – естественное уничтожение бумаги и ее постепенное превращение в пыль.

Никаких временных рамок на выполнение поставленной задачи по восстановлению газеты мне обозначено не было, потому к процессу я подошел основательно.

Разложив листы на своем рабочем столе, я составил последовательность страниц, после чего достал свой старенький сканер на контактном сенсоре и занялся попыткой выискать, казалось бы, навсегда утраченные строки. Для невооруженного глаза оно так и есть. Спустя несколько часов стараний мне начало казаться, что я ничего не смогу сделать и вообще зря взялся за эту работу. Тем не менее я не привык так быстро сдаваться, да и предложенные мне деньги все еще мне интересны. После очередного внесения некоторых изменений в настройки сканера я начал замечать, что все же какой-то текст стал проявляться и это меня воодушевило на дальнейшие труды.

В течение получаса у меня на столе уже лежал новый лист бумаги с распечатанным на нем текстом, который гласит: «Сие произведение, если выйдет в мир, должно восприниматься исключительно в ознакомительных целях и сугубо для удовлетворения личных интересов к его, то есть автора, творчеству». Ниже говорится: «Все должно быть только так

и никак иначе, а в противном случае, использовавшего что-либо из далее написанного в корыстных, или любого рода злых целях, ждет неминуемая гибель от рук тьмы, заключенной в этих письменах».

По всему моему телу прошла дрожь, будто бы это было сказано лично мне. Я никогда не верил в подобные истории и не верю сейчас, но ведь наверняка не зря это было написано на первой странице, в самом начале произведения. Испугаться? Нет, страшно мне не стало, напротив я еще больше заинтересовался этим журналом. Мне жутко захотелось узнать, что же все-таки написано внутри и я, забыв о времени, без усталости работал, оцифровывая отсканированные данные и тут же распечатывая их на новые листы бумаги, чтобы поскорее прочесть содержимое.

Честно сказать, меня никогда настолько сильно не занимала литература. Почитать я всегда любил, но чтобы вот так – никогда. Я не заметил, как уже наступило утро, когда закончил с последней страницей этого жуткого наставления новым поколениям хранителей темной мудрости. Прочитав каждую из них от начала до конца, я понял, почему Аластер запретил любые попытки использовать что-либо из описанного им. Дело в том, что если эти наставления использует живой, то непременно умрет, а уже умершим, которым и предназначается руководство, второй раз покинуть этот мир, мир живых – не удастся; что в общем-то и логично.

На мой уже сонный рассудок мне сложно было восприни-

мать прочитанное как-либо иначе, нежели как обычную фантастику, пускай и со столь мистическим характером. Следуя своим привычным правилам работы, я сделал одну запасную копию бумаг для себя, на случай, если по каким-либо причинам потребуется произвести еще одну копию; вторую стопку с распечатками я положил в отдельную папку и запечатал ее. Перед тем, как звонить мистеру в шляпе и сдавать выполненную работу я решил предварительно взбодриться, дождавшись открытия ближайшего магазинчика с кофейным аппаратом. Решать рабочие вопросы лучше всего на свежую голову. Уже после того, как я привел голову в порядок и перестал зевать, я набрал номер телефона с оставленной им визитки и сообщил, что восстановление текста готово и он может забрать бумаги уже сегодня.

Как же меня обрадовало, что заказчик не заставил себя долго ждать и спустя всего-то четверть часа уже стоял на пороге моей скромной конторы. Этот мужчина в старомодном цилиндре на голове и в длинном вельветовом пальто передал мне конверт с деньгами, а сам принялся проверять мою работу.

– Пересчитайте деньги, – сказал он мне, на секунду оторвавшись от процесса.

Я раскрыл конверт и пробежался средним и указательным пальцами по ровно сложенным рядам купюр. Я не стал считать, так как сразу понял – сколько бы денег в нем не находилось, там все равно в несколько раз больше, чем может

стоять подобная работа. Я лишь сделал вид, что считаю.

Он мельком, без особого интереса пробежался глазами по строкам первых нескольких страниц, пристально посмотрел на меня и вновь опустил глаза в распечатки, рассматривая текст уже последней страницы. Бережно сложив все обратно в картонную папку, мужчина скромно меня поблагодарил в духе выходца из пятидесятых годов: пожимать моей руки он не стал, а лишь приподнял шляпу, слегка поклонился, пожелал мне хорошего дня и поспешил удалиться.

Мне нравится такой подход. В нем ощущается что-то взрослое, зрелое. Никакого ребячества, никаких доскональных проверок, лишних вопросов и пустых разговоров – все строго по делу и профессионально; в особенности сейчас, когда я хочу лишь спать, что и не удивительно, ведь я провел целую ночь занимаясь тем, что работал и параллельно читал.

Рабочий день выдался простым. Меня практически никто не беспокоил. Лишь после обеда пришло несколько клиентов с мелкими заказами на распечатку фотографий и ксерокопию документов. Но вот к концу дня, ближе к семи часам вечера, ко мне заглянула одна интересная особа. Это была девушка, о чем догадаться я смог только по голосу, тонким пальцам рук и нежной коже. Зашла она ко мне в контору в глубоком капюшоне, потому в достаточной мере рассмотреть что-либо еще я не смог; проще говоря, я и не пытался, так как очень хотел спать и был уже просто на исходе своих сил.

Девушка говорила о каком-то журнале и о том, что все теперь зависит от меня, от того смогу ли я выполнить работу качественно. Я пытался задавать ей вопросы касаясь затронутой ею темы, но она будто бы не слушала меня и продолжала толковать свое. Говорила, что никто не смог сделать такое до меня и очень вряд ли сделает после.

Никто не сможет после? – подумал я помолчав. Что же такого сложного в том, чтобы выполнить самую обычную работу, если имеется соответствующее типографское оборудование. К тому же, у меня оно далеко не идет в ногу с современностью. Я ничего не понимал до того момента, пока она не положила на мой стол столь знакомую мне роман-газету. Это была та самая утерянная вторая часть – продолжение и завершение произведения Аластера Кормака, над первой частью которой я трудился этой ночью.

Несколько секунд я стеклянным взглядом смотрел на газету, а пришел в себя уже от звука закрывшейся за девушкой двери, которая осунувшись и полностью спрятавшись в капюшоне, сбежала, не обсудив ни времени, ни стоимости моих услуг, как я понял, аналогичных вчерашнему заказу.

Немного странно, но нужно понимать, что все люди разные и не стоит придавать этому большого значения. Может это дочка того самого коллекционера, принесшего первую часть, а она не хотела слишком быть на виду у всех, так как людям подобного покроя пользоваться подобного рода услугами не совсем по статусу.

Упаковав свои вещи вместе с принесенным той девушкой экземпляром в свою сумку, я закрыл контору и двинулся в сторону дома. Сегодня нужно отоспаться как следует, иначе еще одного такого дня, как сегодняшний, я не переживу.

Дорога, ключи, дверной замок, корм в тарелку для Симона, кровать, подушка, сон...

– Симон, блин, что ты там творишь? Бестолковый кот, – выругался я сквозь сон на шум падающей откуда-то посуды, разбудивший меня около трех часов ночи. После этих слов я практически моментально снова уснул.

Утро было как всегда хорошим. Я чувствовал себя отдохнувшим и выспавшимся. Удивлением для меня стало лишь то, что мой кот не спал на соседней подушке рядом со мной, как он любит делать. Я несколько раз позвал его, но Симон не выходил. Интересно стало, где он может быть, ведь квартира небольшая и мест, где можно было бы спрятаться, совсем не много. Наверное, снова наелся чего-нибудь со стола и теперь спит беззаботно, подумал я, потому и шум такой был среди ночи.

Я прошелся по комнатам заглядывая под столы и стулья, как вдруг заметил слабое движение боковым зрением – это мой кот, только был он снаружи, за окном, за закрытым окном. Я никогда не оставляю на ночь окна открытыми. Тут я резко обернулся вокруг себя, резко бросая взгляды по сторонам в поисках чего-то или кого-то, кто мог забраться в мое жилище. У меня на лбу выступил холодный пот, так как я

понял, что тот шум, довольно таки сильный шум, не мог создать кот, ведь его не было на тот момент в квартире. Тогда кто это был?!

Паниковать я конечно же не стал. После этой минутной слабости я вновь прошелся по всем комнатам и стал искать источник ночного шума, но ничего не нашел.

Впустил кота, закрыл окно, умылся, сделал несколько глотков свежего кофе, который по таймеру к моему пробуждению варит кофемашина, оделся и ушел на работу.

По пути, добираясь автобусом, я думал о том, что сам Аластер не мог это руководство опубликовать в роман-газету, ведь это не сборник рассказов какого-то фантаста. На мой взгляд это самое настоящее руководство конкретным людям для конкретного действия. В нем описаны последовательности подготовки и выполнения обрядов с описанием всех нужных ингредиентов для составления зелий и сопровождаемых их заклинаний. Исходя из этого я практически уверен, что сам автор вовсе не желал обнародования данных текстов, именно потому и написал то самое предупреждение, которое нельзя было не прочесть, взяв экземпляр в руки. Также из этого вытекает то, что если написанное на первой странице является правдой, говоря о последствиях применения, то Кормак был убит именно из-за этого; хотя известные миру факты не дают этому никакого подтверждения.

– Добрый день! – после тихого звона музыки ветра над входной дверью конторы прозвучало спешное приветствие.

На меня смотрел парнишка в кожаной куртке и не по размеру большой шапке. Такие шапки обычно носит молодежь для того, чтобы спрятать в ней длинные волосы.

Парень не стал дожидаться моего ответа и продолжил. Видимо, очень торопится.

– Мне нужно распечатать все эти снимки, – говорит он и кладет передо мной стопку фотографий на стол. – На плотную бумагу и в трех экземплярах каждый пожалуйста.

– Это срочно? – немного огорченным голосом отвечаю я и ставлю чашку кофе на подставку около раскрытой роман-газеты. Я собирался поработать в первую очередь над ней, а потому искренне надеялся на отсутствие клиентов хотя бы в первые пару часов.

– Да, пожалуйста, – вновь попросил он. – Мне нужно еще успеть на десятичасовой поезд. Еду на свадьбу друга. Меня пригласили шафером.

Будто бы меня волнуют чужие заботы.

– Хорошо, – отвечаю я. Пересчитываю количество фотографий, называю стоимость работы и говорю, чтобы тот присел на стул и подождал, либо чтобы зашел минут через двадцать и забрал готовые распечатанные фотокарточки.

Он поблагодарил меня и присел на стул в углу комнаты. Следом он вынул из кармана смартфон и начал очень энергично водить пальцами по экрану. Я тем временем укладывал его снимки в сканер и краем глаза поглядывал на газету – так не терпелось скорее ею заняться, чтобы наконец узнать,

что же там сокрыто в этой второй половине инструкций, которые расшифровать, как выразилась та странная дамочка, под силу только мне одному.

Когда я уже почти закончил с этим заказом, на втором столе позади меня послышался какой-то шорох, будто бы что-то подвинули. Парнишка мельком посмотрел в том направлении, потом на меня и снова туда.

– У вас там какое-то животное?

Я не стал отвечать на вопрос, а лишь повторил те же движения, что и он – обернулся назад, взглянул на парнишку и, покачав головой вернулся к работе. Спустя несколько минут я уже отдал ему карточки, пожелал хорошего дня. Когда я уже остался один, я встал около стола и приложил ладони к вискам, которые сдавливало будто бы в тисках. Неясно с чего вдруг у меня так неожиданно разыгралась мигрень. Застыв в этом положении на несколько секунд меня как громом привел в чувство резкий звук разбившейся о стену чашки с остатками утреннего кофе.

– Что за чертовщина? – громко выругался я, ошалело уставившись на осколки чашки и черные брызги кофейной гущи, медленно стекающие вниз по стене.

Рассматривая все это, я заметил какое-то движение за тем столом, от которого несколько минут назад исходил странный звук. На стуле сидела девочка лет восьми и молча смотрела прямо мне в глаза. Точно, это была девочка, только была она полупрозрачная, раз в несколько секунд пропадая и

вновь появляясь на том же стуле. В этот момент на моей голове наверняка появилось несколько новых седых волос. Все мое тело тут же покрылось мелкой дрожью, а сам я встал как вкопанный, не понимая того, что происходит и не в силах сделать шаг.

Девочка встала со стула и медленно, словно плывя, подошла ко мне и попыталась коснуться рукой, но та прошла насквозь, тогда я четко понял, что передо мной стоит призрак.

Я очнулся лежа на полу посреди конторы. Видимо, я потерял сознание. В помещении никого не было, и я уже подумал, что все это мне привиделось, но встав на ноги я увидел на запотевшем стекле с внутренней стороны надпись, сделанную, по всей вероятности, пальцем. Автор этого обращения просил о помощи. На этом моменте я осознал, что все это происходит взаправду, хотя и поверить в это было невероятно сложно.

Первым делом я закрыл дверь на замок изнутри и опустил жалюзи на окнах конторы, которая была сооружена внутри канцелярского магазинчика, чтобы никто из его посетителей не смог увидеть всего происходящего внутри. Моя уверенность в том, что случившееся было только началом росла с каждой минутой. В ожидании неизвестного я стал бродить по комнате.

Я вновь ощутил озноб, когда страницы газеты, лежавшей на столе, начали будто бы сами собой переворачиваться одна за другой. Мой взгляд остановился на размытой, изуро-

дованной временем иллюстрации, которая демонстрировала надгробную плиту, насколько я понимаю, с именем погребенного под ней. Моментом позже возле меня появилась та самая девочка. Дрожащей рукой она держала журнал, как бы показывая на что мне смотреть и не позволяя перевернуть страницу. Она явно хотела мне что-то сказать.

– Кто ты? Как тебя зовут? – понимая, что угрозы она для меня никакой не несет, более уверенным голосом спросил я. – Тебе от меня что-то нужно?

Ее взгляд, наполненный страданием и грустью, говорил о многом. В какой-то момент я уже перестал думать о ней, как о призраке, а лишь как о обычной маленькой девочке, которая не знает к кому обратиться, и что действительно лишь я способен ей помочь. Я внезапно забыл о всех своих страхах и проникся ее болью; думаю, что именно ее я сейчас ощутил на себе. Я попытался понять, что же все-таки произошло с ней при жизни и почему она здесь. Отбросив мысли о невероятности того, что я вижу, я начал говорить с ней как с живым человеком.

В ответ на мои вопросы, она подняла взгляд и заглянула в мои глаза, после чего подошла к тому же окну, на котором ранее написала свои первые слова. Через мгновение это окно начало покрываться легкой изморозью. Приложив к нему маленькую ручонку девочка начала писать свою историю.

Она рассказала мне, что зовут ее Эвелин и что оказалась она здесь по жестокой воле случая, так как во время одного

из ритуалов, завершить который не удалось, она покинула этот мир, но не попала в тот, в который направлялась.

Когда она была еще совсем малышкой, ее отец и мать состояли в какой-то общине, веровавшей в загробный мир. Они верили, что там человека ожидали все блага, не доставшиеся ему при жизни в этом мире. Насколько известно, то доказательств в правдивости этого верования не никаких не найдено, но ведь именно в этом и есть смысл веры – твердо знать, что все именно так и не иначе. Попасть в тот мир можно было лишь правильным образом переправившись из мира живых. Важно было неукоснительно следовать задолго до этого написанным правилам проведения ритуала.

Подготовительный процесс длился очень долго – около десяти лет. Так как переправа совершалась сразу для нескольких людей, то при жизни некоторым из них необходимо сначала завершить свои земные дела. Людям, состоявшим в этом секретном обществе, нельзя было иметь детей, так как ребенок мог не только не справиться с переходом, но и по глупости разболтать кому-то о предстоящих планах, что точно негативно сказалось бы на всех членах высшего порядка.

Также Эва рассказала еще одну ужасную историю. О ней она узнала уже повзрослев. Ее родители, подписывая некое соглашение о переправе, уже готовились к тому, чтобы стать родителями. Они не поставили в известность руководство, чем и навлекли на дочку большую беду: когда община про-

знала о беременности Марты – матери девочки – было решено лишить ту речи, удалив ей язык, чтобы обезопасить всех от возможного разглашения тайн и запланированных ритуалов. Они объяснили это тем, что договор подписанный кровью отменить никак нельзя, а потому лучше так, чем и вовсе придать девочку смерти.

Не известно, смогла бы она говорить со мной своим голосом, пребывая в бестелесной форме, но теперь стало ясно почему она и не пыталась. Насколько жестокими людьми нужно быть, чтобы маленькой девочке отрезать язык в попытке уберечь свои задницы? В моей голове это никак не укладывалось.

Не знаю почему, но я поверил каждому ее слову, сколь бы невероятно все это не звучало, но я поверил и искренне захотел помочь.

Я не следил за утекающим временем, так как был полностью поглощен историей малютки, мученическим образом прожившей свою жизнь будучи человеком, и продолжавшей ничуть не более легкую жизнь призрака на этой жестокой земле.

Сейчас моя задача заключалась в том, чтобы услышать и понять все то, что Эвелин так старательно пыталась мне рассказать, а также в том, чтобы успевать протирать стекло, являвшееся сейчас ее листом бумаги, дабы она не останавливаясь продолжала говорить. Иного способа общаться, увы, у нас не было.

Хотя я и старался не задавать лишних вопросов, наше, если можно так назвать, общение, затянулось до позднего вечера и обнаружив, что на часах без четверти девять вечера, я попросил рассказать о самом главном, чтобы можно было уже перейти непосредственно к газете.

Она была не против. Закончив вырисовывать буквы на замерзшем стекле, она кивнула мне и, как мне показалось, даже немного улыбнулась – я не уверен улыбка ли это на самом деле – после чего вновь поплыла по комнате к столу. Это была ее первая эмоция, которую я увидел на ее лице с момента нашей встречи, если не считать тоску по родителям, грусть от глубокой безысходности и отчаяние, осознавая, что застряла она здесь надолго.

Я не смог узнать, когда именно проводился тот ритуал, но по стилю одежды, что сейчас на девочке, я могу предполагать, что уже миновало с той поры уже порядка двадцати лет, а то и больше. Она скитается призраком по земле, пытаюсь найти выход из этого промежуточного состояния.

Сходив к автомату за порцией кофеина, я принялся за работу. Самое важное, с чего стоит начать, это разложить все страницы следуя нумерации, чтобы ничего не упустить, так как корешок этого ветхого издания претерпел немало издевок времени. Листы, также, как и в первом экземпляре, попросту выпадали при неаккуратном перелистывании; некоторые уже находились не на своем месте.

Завершив с этим, я обернулся, но Эвелин нигде не бы-

ло. Ощущение, что я все-таки схожу с ума, у меня по-прежнему присутствовало. Ранее я никогда не понимал, чем именно руководствуются психи, совершая столь невероятные поступки, непостижимые разуму нормального человека, но сейчас все абсолютно иначе. Все становится намного проще, когда искренне пытаешься вникнуть в ситуацию.

Я предпринимаю попытки вызволить призрака маленькой девочки из плена иного измерения. Казалось бы, это невозможно объяснить здравым смыслом, а расскажи я кому-либо об этом, тотчас попал бы в сумасшедший дом, ибо это любому здравомыслящему человеку покажется полным бредом. Но я здесь, и я твердо убежден в том, что происходящее реально. Настолько же реально, как и все, что каждый из нас привык видеть в повседневной жизни.

Настройки сканера мне менять не пришлось, потому первую страницу я сразу же отправил в обработку, только вот времени сам процесс выявления и генерирования затертых символов в тексте, исходя из собранной базы логических цепочек слов и их сочетаний, занимает достаточно большое количество времени. Сигнала о завершении обработки я не услышал – веки стали такими тяжелыми, что я был не в силах больше держать глаза открытыми и уснул. Разбудил меня жуткий холод в левой руке. Открыв глаза я сквозь сон попытался найти источник холода, но тут же ужаснулся, увидев прямо перед собой бесстрастное лицо Эвелин.

Я понимаю, что призракам не требуется сон, но я ведь еще

жив и мне он очень даже нужен, подумал я про себя спустя несколько секунд после того, как пришел в чувство; я, конечно же, не осмелился произнести эти слова вслух.

В следующие несколько часов я выпил с полдюжины чашек кофе и старался работать максимально продуктивно. Между периодическими заменами бумаги в аппарате, я ходил по комнате с уже готовыми, распечатанными листами, и читал. Насколько это возможно моему уставшему мозгу, я пытался понять суть содержимого газеты.

Там было много непонятных мне слов, которые я слышал впервые. Оно и не странно, ведь ранее мне не приходилось читать инструкции по переправе человеческих душ из одного измерения в иное. Автор либо же полный псих, либо же гений всех времен, потому как не увидев явного подтверждения слов, поверить в описанное попросту невозможно.

«...Когда все будет подготовлено как подобает, останется лишь ждать, ждать той самой ночи, когда луна завершит свою вторую фазу. В этом промежутке, перед началом фазы третьей, откроется занавес и проход в Навайлу будет распечатан. Именно в этот момент ритуал перехода имеет место быть осуществленным...» – говорит Аластер Кормак.

– Навайла? – произнес я задумчиво, будто бы мысль, которая не должна была стать звуком все-таки вырвалась из моего рта. В этот момент меня овеяло холодом и передо мной предстала девочка, глядевшая на меня ожидающим взглядом. Очевидно, что ей знакомо это слово. Выражаясь более

точно, ей знакомо это место.

– Тебе известно, о чем речь, ведь так? – спросил я у призрака. – Это то место, куда ты должна была отправиться?

Эвелин помолчав, опустила взгляд в пол. Какое-то время она стояла недвижимой, от чего мне стало даже неловко, но потом она резко двинулась вперед, пройдя прямо сквозь меня к окну. Мое сердце на мгновение остановилось, и я подумал, что сейчас умру, ощутив резкий всепоглощающий холод, охвативший все внутренние органы моего тела. Жуткое ощущение, испытав которое я тут же упал на одно колено, схватив себя за рубашку в области сердца. К счастью, это ощущение так же резко исчезло, как и появилось и обернувшись я увидел надпись на стекле.

Надпись гласила:

«Навайла – мой дом. Помоги мне вернуться домой».

Самой же девочки уже нигде не было.

Поработав еще несколько часов, я решил на сегодня закончить. Усталость берет верх над возможностями. На часах уже далеко за полночь. В моем нынешнем состоянии я вряд ли разгадаю тайну рукописи; если она там вообще есть. Остается восстановить лишь три страницы, после которых уже вся роман-газета будет в моем распоряжении, но мой мозг отказывается продолжать работать, а сердце мне четко дало понять, что еще одной чашки кофе оно не выдержит. Потому я принял решение собрать все наработанное за сегодня и пойти отоспаться, а наутро со свежей головой доделать ра-

боту и тогда уже думать дальше, что делать и как быть с имеющейся у меня информацией.

Этой ночью уснуть мне не удалось. Странные мысли кружились в голове и перед глазами снова и снова появлялась картина, происходящее в которой соответствовало тому, что я прочел накануне. А еще Навайла... Что же это такое? И где?

Симон не находил себе места, то и дело бегал и мяукал по квартире, словно ощущая чье-то присутствие. Думаю, это Эвелин. Она была привязана к этим записям и не могла покинуть того места, в котором находилась газета. Это очень жестокий способ заключения, от осознания которого у меня по коже пробегали мурашки. Появлялись также и мысли о том, чтобы просто избавиться от этих записей, но моя другая сторона, желающая помочь бедной девочке, твердила обратное, снова и снова доказывая мне, что ее спасение является моим долгом. Не знаю почему, но я обязан сделать все, чтобы ей помочь, каким бы мистическим и ужасным все это ни было на самом деле.

Короткая стрелка на часах была направлена вниз, пытаюсь дотянуться до отметки с цифрой пять. Я не стал дожидаться звонка будильника. Не смог. То ли зовущее чувство долга, то ли количество выпитого кофе – не знаю, что именно, но что-то по-прежнему терзающее мою нервную систему заставило меня подняться с кровати. Я понял, что пытаться спать было бы бесполезной тратой времени. Лучше всего будет пря-

мо сейчас пойти принять душ, позавтракать и тотчас отправиться в контору, чтобы завершить дело.

Какое же разочарование ожидало меня по прибытию. Подойдя ближе к тому месту, которое кормило меня долгие годы, я увидел одни лишь руины. Не уцелело практически ничего. Сплошной хаос: разбитые стекла витрин, выломанные двери, перевернутые столы и повсюду разбросанные бумаги. Пострадала как моя контора, так и магазинчик, внутри которого она располагалась.

Долго размышлять о том, что стало причиной налета мне не пришлось. Все стало ясно в тот момент, когда среди снующей по месту происшествия полиции я заметил того самого мужчину в длинном пальто с высоким воротником и шляпе. Он представился мне коллекционером. Или это мне показалось, что он представился? У меня не осталось никаких сомнений, что именно он замешан во всей разрухе, наступившей это место.

Также ясно то, что он вовсе не коллекционер. Работа, которую он поручил мне накануне, была выполнена на отлично, потому у него не было никаких причин как-либо мстить мне, значит он преследовал иную цель. Вторая часть роман-газеты? Как он мог прознать о том, что в данный момент она находится именно у меня? Я практически уверен, что ради коллекции, какой бы она ни была, никто не станет учинять такую разруху. К тому же попытка заполучить газету именно таким способом никак не могла означать, что это

издание имеет для него сугубо историческую и коллекционную ценность. Напротив, здесь наблюдается только личный интерес и отнюдь не добрые намерения.

Если же он способен на подобные вещи, стал думать я, спрятавшись за деревом, расположенным через дорогу напротив конторы, то что бы было со мной, не уйди я этой ночью домой. А что, если он уже знает мой домашний адрес и будет поджидать меня там, дабы заполучить эту злосчастную газету? Возвращаться домой тоже пока нельзя. И полиция наверняка будет искать меня, предпринимая попытки выяснить кто может быть причастен к этому акту вандализма, или же ограблению; хотя второй вариант маловероятен по тем причинам, что из конторы ничего не украли. Не могли ничего украсть, потому что воровать там по сути не было чего: там помимо старенькой никому не нужной аппаратуры, некоторых сканов бумаг, которые мне приносили на массовую распечатку и скромного набора чашек да ложек, в которых я иногда запаривал лапшу, больше ничего не было взять. Старенький компьютер, который на ладан дышал, финансовой ценности для грабителей составить также не мог, так как он был безнадежно побит временем и даже запускаться иной раз без хорошего пинка попросту отказывался.

Эти мысли, в которых я оказался замешан по самые не балуйся, вогнали меня в ступор, не на шутку испугав. Не хватало мне нажить врагов к старости лет. Нужно как можно скорее найти место, в котором я могу укрыться и придумать

дальнейший план действий, иначе добром все это для меня не кончится.

Натянув поглубже на брови шапку, я ускоренным шагом, но все-таки стараясь не привлекать излишнего внимания, пошел прочь.

Вряд ли для меня есть смысл искать какой-либо поддержки от старых приятелей, ведь счесть меня за безумца сейчас было бы проще простого, стоит только упомянуть газеты и призрака. Все, что я могу сейчас себе позволить, это попытаться в кратчайшие сроки раздобыть доступ к сканеру, подобно тому, который был у меня в конторе, чтобы наконец получить ту недостающую информацию из последних трех страниц газеты, без которых вся проделанная до этого работа не имеет никакого смысла.

Удачно подвернувшееся на моем пути интернет-кафе, что расположилось буквально в трех кварталах от конторы, только открылось. Девушка, подавляя зев, перевернула табличку с внутренней стороны стеклянной двери, которая теперь говорила, что заведение открыто для посетителей. Это было как нельзя кстати, ведь именно там я смог немного перекусить и выпить чашечку кофе, после чего открыв в интернете местную онлайн-доску объявлений, подыскать для себя нужную аппаратуру.

Задача найти подходящий сканер оказалась далеко не простой. Неужели правду говорила та загадочная девушка в глубоком капюшоне, что только мне под силу подобная за-

дача? Теперь я понимаю почему. Видимо, она имела в виду тот факт, что больше никто в нашем городе не занимается восстановлением старинных рукописных и печатных изданий прошлого века.

Как бы там ни было, спустя какое-то время я нашел одного пожилого мужчину, который судя по объявлению уже достаточно давно пытается продать аппарат той же модели, что и был у меня. Я, конечно же, не теряя времени поторопился с ним связаться и выяснить актуальность информации, опубликованной на сайте.

Мне повезло. Денег он попросил за него не много и мы, к счастью, смогли договориться о цене, которая устроила нас обоих.

Я немного схитрил, попросив его о проверке аппарата на работоспособность, что в целом-то и логично – кто же совершает подобные покупки без проверки? У меня, к его большому удивлению, оказались с собой несколько старинных, потрепанных образцов бумаги, которые как раз можно было использовать для того, чтобы узнать, на что способна покупаемая мною машина.

Времени на настройку сканера потребовалось совсем не много, так как я по старой памяти быстро ввел все нужные мне параметры, в точности такие, какие я вводил на панели настроек моего предыдущего устройства. Не прошло и получаса, как я получил распечатку всех трех страниц, на которых находится вся недостающая информация.

Дорого же мне обошлись эти три листка бумаги. Заплатив старику оговоренную сумму денег, я пожал его руку и сказал, что сегодня же приеду и заберу сканер.

Конечно же, это не было правдой. Я очень сомневаюсь, что в ближайшем будущем я смогу вернуться к своей привычной работе в маленькой конторке канцелярского магазина. Но в любом случае, я полностью с ним расплатился и моя совесть чиста. Мы оба получили то, чего хотели: я свои распечатки, а старик – деньги. Если все закончится для меня хорошо, то я вернусь к нему с надеждой на то, что он к тому времени не перепродает мой сканер кому-нибудь еще, во второй раз.

Расположившись в парке на поляне, которая, как и в любой другой, день была заполнена другими отдыхающими, я разложил распечатки на траве. Изучив их, я стал выписывать себе в блокнот все необходимые для проведения ритуала ингредиенты, слова, которые нужно будет произнести и прочую информацию, приложенную в качестве инструкций.

– Девочка, брось мне его обратно! – послышался детский голос недалеко от меня. Я не обратил внимания и продолжил свое дело, но через пару секунд вновь услышал его голос.

– Эй, мистер, не могли бы вы...

Стало ясно, что он обращается ко мне и оторвав взгляд от своих записей я с ужасом отпрянул назад, но тут же взял себя в руки. Передо мной, не сводя глаз с блокнота в моей руке, сидела Эвелин, а на траве рядом с ней лежал фрисби,

которого так упорно просил вернуть ему мальчик, неподалеку от нас игравший со своим, по всей видимости, младшим братом.

Передав игрушку обратно мальчику, я невольно выругался, приговаривая, что мне давно следовало уже привыкнуть к неожиданным появлениям девочки, и что она никуда не денется до тех пор, пока я полностью не разберусь с этим делом; или же пока она не найдет иного способа выбраться, если я не справлюсь с поставленной задачей. Я понимаю, что это жестоко по отношению к ней, и она не виновата, что с ней такое произошло, но, черт подери, нельзя же меня так пугать каждый раз. К тому же, если ее видят и все окружающие, то в какой-то момент ко мне может подойти какой-нибудь полицейский и начать задавать вопросы о том, не удерживаю ли я девочку силой, почему она без языка и почему ее нельзя потрогать.

Эти появления... Это не то, чтобы страшно. Нет. Это, скорее, неожиданно. Никто в здравом уме не мог бы предположить, что в какой-то момент перед ним может предстать дух его умершего приятеля и начать говорить с ним так, будто бы ничего вовсе и не произошло. А со мной это происходит. Как они только не заметили ее фантастического появления около меня, на этой поляне. Чудеса Дэвида Коперфильда.

Я никогда не боялся умерших, в отличие от многих других детей, с которыми я рос в одном квартале и ходил в одну школу. Умершие не могут нам навредить. К сожалению,

я слишком рано понял, что родители не всемогущие и бессмертные создания, как казалось изначально. В раннем детстве я и правда так думал, когда папа с легкостью поднимал меня над своей головой и усаживал себе на плечи. Или, когда мог неустанно кружить маму на руках, покуда ей не надоест или не закружится голова. Время шло, я становился старше, а родители слабее. Когда мне было двенадцать, у папы обнаружили быстро прогрессирующее заболевание, заставляющее стремительно увядать его нервную систему. Все началось с тремора рук. С тех пор он не мог больше попасть ключом в замочную скважину, а позже, даже поднести чашку к губам, чтобы отпить утреннего кофе. На это было невыносимо смотреть, а осознавать, что это лишь начало – еще сложнее.

Он умер через четыре года после этих событий. Слишком скоротечно, чтобы к этому можно было морально подготовиться. Говорят, что с подобным недугом долго живут – мучаются – а моему отцу прямо-таки повезло. Тоже мне, везение, блин; хотя, с какой стороны посмотреть, он ведь не так долго страдал. Жизнью это уже нельзя было назвать. Мама не смогла справиться с утратой и сев за руль под антидепрессантами, на большой скорости врезалась в дерево. Она оставила меня на воспитание убитой горем бабушке.

Да, у меня действительно есть основания полагать, что умершие никак не могут вмешиваться в нашу жизнь и соответственно не могут навредить нам, живым. Так я считал

тогда, и так же считаю сейчас. После всего того, что произошло, никто из родителей не являлся ко мне в виде духов, призраков, теней, записок на запотевших окнах, движущихся предметов и прочих всевозможных признаков присутствия поблизости духов. Я всегда считал, что если человек ушел из жизни, то ушел навсегда и полностью, оставляя всех остальных, кто жив и помнит, горевать; или отпустить.

Эвелин тоже умерла, и я верю, что никакого зла она мне не причинит, именно потому и не боюсь ее. К тому же, она уже не была полупрозрачной: если не пытаться взять ее за руку или же попытаться как-либо еще прикоснуться к ней, то выглядит она ничем не хуже самого обычного, живого ребенка. Наверное, думай я иначе, насчет ее возможности вмешиваться в наш мир, я бы и вовсе не смог решиться пойти на такое, имея в виду мою попытку помочь маленькой девочке, умершей мученической смертью пару десятков лет назад попасть туда, куда, по ее мнению, она должна была отправиться, если бы ее убили правильным образом. Звучит до ужаса абсурдно, но не мне решать ее судьбу, к тому же, отказаться от нее на половине пути я не могу.

Сделав глубокий вдох, я попытался собраться с мыслями, возвращаясь в ту реальность, в которой эта девочка сейчас сидит прямо передо мной. Я попытался объяснить ей мое видение ситуации и свои планы на ближайшее будущее. Все было вполне понятно и логично в списке обязательных условий к проведению переправы, не считая одного самого

устрашающего пункта – присутствие самого человека, которого необходимо переправить. В нашем случае, как я понял, необходимо тело Эвелин. Только вот в чем загвоздка: она много лет назад была захоронена на местном кладбище и наверняка уже полностью разложилась на корм червям и удобрение для почвы.

Читать это было куда проще, чем говорить ей, осознавая, что ради ее же интересов именно мне придется раскопать ее могилу и вынуть все, некогда принадлежавшее ей, дабы разместить на алтаре. Не знаю чувств Эвы и есть ли они у нее вообще. Испытывает ли она хоть что-то, помимо желания попасть домой, но я испытываю.

Я резко поднялся с травы будто бы от разряда электричеством. Стянув с головы шапку, хватал себя за волосы, снова и снова задавая себе вопросы о том, почему именно я обязан буду раскопать могилу человека. Как? Как вообще стало возможным случиться такому, что обычный мужчина, многие годы спокойно работавший в собственной маленькой типографии, распечатывая фотографии чуть бы не случайным прохожим, ввязался в такую историю? Это уму не постижимо. Почему я?

В какой-то момент, остановившись, я ощутил нечто, чего не могу объяснить. Открыв глаза, я увидел Эвелин, стоящую так близко ко мне, что мне показалось будто она пытается обнять меня, хотя это и невозможно в ее состоянии. Я не осмелился пошевелиться и нарушить этот покой. Да, этот покой

и ко мне пришел, неожиданно. Как ни странно, но мне в этот момент стало не холодно, как было при прежних контактах с ней, а наоборот – тепло. Я будто бы физически ощутил ее присутствие и понял, что она все же чувствует и понимает мои переживания. Хотя она и выглядит совсем маленькой, но по сути она всего на каких-то лет десять младше меня, если учесть время ее скитания по земле с момента смерти. Ее взгляд говорит без слов, и говорит он о том, что она понимает гораздо больше, чем я предполагал днем ранее.

Итак, домой нам идти нельзя. Черт, я уже говорю «нам». По всей видимости я все-таки схожу с ума.

Домой нельзя, так как меня там могут уже ждать; но у меня там кот и я не могу оставить его умирать с голоду, пока я хожу и трушусь за то, что у меня отнимут газету.

Звучит вообще не как в голливудских блокбастерах. Там совсем не замечают домашних питомцев во всей суматохе жанровых сцен; если не считать особых уникальных картин, где все завязывается из-за, или же ради этого самого питомца, которого обидели. Чем-то мне все это напомнило фильмы про Джона Уика. Вряд ли я буду бегать с пистолетами и мочить мафию в отместку за Симона, но это первый фильм, который пришел мне на ум.

Я решил закопать газету у выхода из парка под толстым деревом. Думаю, что все же так будет безопаснее, если вернувшись домой, чтобы покормить кота, я наткнусь на незваных гостей. Потом вернусь за ней, когда уже точнее буду ви-

деть общую картину и понимать, что к чему.

Покуда я присыпал ее землей, я начал машинально извиняться перед Эвелин, будто бы я лично ее закапываю в землю. Сложно представить, что будет со мной, когда я начну разрывать ее могилу.

Симон встретил меня у двери громким мурлыканием. Он, то и дело ходя взад-вперед терся о мои ноги, своим кошачьим языком рассказывая мне о том, как он соскучился по мне и по своим лакомствам. Это мой первый кот. Я подобрал его еще совсем маленьким, когда выходил ранним утром в магазин за пачкой кофе. Обычно я покупаю кофе заранее и к тому моменту, когда одна пачка заканчивается, у меня всегда есть вторая – новая, но не в этот раз.

Как-то вышло, что я забыл докупить кофе и обнаружив это утром, когда времени на это все оставалось совсем мало, пришлось так в тапочках и халате спускаться на первый этаж, к продуктовому магазинчику, где я и встретил этого моего рыжего любимца мясных деликатесов. Он был как комочек шерсти размером с кулак, не больше. Скрутившись клубочком между дверью и мусорным ящиком у магазина, он лежал и, по всей видимости, ждал именно меня. Я не смог пройти мимо. На улице уже была почти осень и с утра было еще довольно прохладно, потому я аккуратно поднял его с асфальта, завернул в халат и уже вместе с ним пошел в магазин.

Тогда я купил не только кофе, но и несколько вариантов корма для котенка. То, как он жадно уплетал еду из пакети-

ка, а потом поворачивался ко мне и всем видом, четко и ясно говорил, что хочет добавки, словно тот стикер, который клеят над лючком бензобака автомобилей, на котором изображен кот Саймон, показывающий, что его пора бы и покормить. С того дня для меня он стал Симоном. Полностью копировать имя я не захотел, но и иного придумать не смог, потому Симон. Только это имя, как мне кажется, ему лучше всего подходит.

Оставить я его потому и не могу. Не похожу я на тех мужиков из блокбастеров, жертвующих всем ради цели. Я больше похож на одинокого сорокалетнего мужика, кем по сути и являюсь. Выразился я странно, но в этом есть смысл. Я, будучи еще подростком, смеялся с тех одиноких мужчин или женщин, у которых в жизни есть только работа и домашний толстый кот, который заменяет ему друзей, жену, родственников и всех остальных. Он приходит домой, кормит и тискает питомца, ибо на большее нет ни сил, ни времени. Сейчас я с них не смеюсь; разве что иронично.

– Иди ко мне, малыш. Соскучился по мне? – обнимаю кота и несу его на кухню. – Держи вот, перекуси, а я пока собираю вещи.

Надрежаю пакет с кошачьим кормом, высыпаю ему в тарелку и трусцой несусь к себе в комнату.

Хватаю документы, ноутбук, зарядку для него, зарядку для телефона и оставшиеся под матрасом деньги. Глядя на то, как кот уплетает корм, у меня тоже заурчало в желудке.

Я сделал несколько сэндвичей, два из которых тут же съел, запив стаканом молока, остальные бросил в бумажный пакет и запихнул в рюкзак.

– Разберешься здесь без меня, малыш? Мне уже снова пора уходить. Скоро увидимся.

Заменяю содержимое его лотка, выключаю свет и захлопнул за собой дверь квартиры.

– Нет, так не пойдет, – говорю сам себе. – Нужно Симона забрать ненадолго. Джон Уик не оставил бы своего щенка дома, убегая из квартиры, зная, что туда в любой момент могут вломиться какие-то головорезы в поиске чужого добра. Джон Уик бы и не убежал, но я не он.

– Симон, собирай вещи, мы уходим, – в шутку сказал я насчет вещей. Я ведь живу с котом; мне часто приходится считать его полноценным членом семьи, нежели просто питомцем, потому и говорю с ним как с человеком.

Хватаю под мышку кота, его пакетики с кормом и уже пулей вылетаю за дверь.

Натянув на лоб шапку, спускаюсь по ступенькам. Третий, второй, первый этаж. У выхода из подъезда меня плечом толкает какой-то здоровяк. Неприятно.

– Извините, – говорю первым. Он только тяжело вздыхает. В другой подобной ситуации я бы попросил быть поаккуратнее, но сейчас у меня трясутся поджилки. Моя чуйка редко меня подводила, и сейчас, полагаю, что тоже не подвела, ибо не часто я мог встретить в своем подъезде беспар-

донных громил, что, не обращая ни на что внимания несутся на верх по лестнице. Не хотелось бы об этом думать, но скорее всего это ко мне.

Выйдя на улицу, я резко свернул на тротуар и пошел вдоль дороги. Краем глаза вижу припаркованный «джип» у обочины, на противоположной стороне улицы. Черт, надо же было так влипнуть. Стараясь не привлекать внимания, я вышел со своего квартала.

– Эмм, Мэри, привет. Это я...

– Чего тебе нужно? – сонным, искаженным динамиком домофона голосом отвечает мне моя старая подруга из университета. Как-то было дело, что я пытался начать с ней некие романтические отношения, но у нее внезапно появился более состоятельный ухажер и я не смог ничего ему противопоставить.

– Я хотел бы... Не могла бы ты...

Звук. Щелчок замка входной двери.

– Спасибо, Мэри, я сейчас.

Поднимаюсь рысью на второй этаж, но сердце колотится так, будто бы я взбежал на шестой, не меньше; еще и Симон дергается – видимо, никак не ожидал столь торопливого путешествия.

Она уже ожидает меня на площадке в банном халате и со сложенными на груди руками. Останавливаюсь перед ней, перевожу дух.

– Привет поближе. Извини, что я так внезапно нагрянул,

к тому же без звонка. Мне нужно срочно на пару дней...

– Уехать и оставить мне своего кота, понятно, – не дав мне договорить, Мэри подхватила и закончила за меня мою мысль.

– Именно. Пожалуйста, это очень срочно, правда. Я заберу его через пару дней, плюс-минус. Вот, я даже корм его захватил.

Стою как школьник перед учителем, объясняясь, почему забыл дома дневник. Ужасно неловко, с учетом того, что я даже в праздники ее не поздравлял и не позвонил, когда узнал, что у нее какие-то проблемы со здоровьем были.

– Да, я понимаю, – пытаюсь уловить ее мысли в выражении лица. – Прости, но мне больше не к кому обратиться.

Протягиваю перед ней Симона на вытянутых руках.

– Ладно. Но только пару дней, понял? Иди ко мне, рыжий комочек счастья, – начиная предложение для меня, заканчивает уже разговаривая с котом. Соглашается. Какими бы у нас не были отношения, но я всегда знал, что коты – это ее слабость и в любом другом вопросе она могла бы мне отказать, но не в этом.

– Спасибо большое! Пару дней и я вернусь.

Чешу за ухом любимца и прощаюсь.

Следующие несколько часов я бегал по разным магазинам и лавкам со странными товарами, назначения которых я совсем не понимал. Не может же быть такого, что все это предназначается специально для проведения подобных ритуалов,

который предстоит воссоздать мне.

Лапка крысы, шерсть волка, ловец снов еще зачем-то нужен, и всякое другое в духе фильмов про ведьмаков. Также потребовалась специальная чаша, сухие ветки какого-то особого дерева и масло, которым нужно будет все залить и поджечь. Темным волшебником я себя точно не ощущаю; скорее, третьеклассником, который увлекся тем, на что родители в свое время не разрешали даже смотреть.

Ловец снов, насколько мне известно, никогда не применялся с какими-либо магическими заклинаниями, а уж к темной магии и вовсе не имеет никакого отношения. Этот индейский амулет всегда служил для того, чтобы защищать спящего от злых духов и плохих снов. Может что-то в этом и есть, ведь имея дело с тьмой, крайне необходимо иметь от нее защиту. Иначе не было бы возможности переправить бессмертную душу из нашего мира, скажем так в третий, минуя тот, в котором происходит определение дальнейшего направления.

Звучит как полный бред. Мои мысли и мое никчемное понимание этого всего смешались с тем, что я прочел в руководстве, и создали что-то действительно муторное.

Еще и отголоски египетской культуры приплетены. Я, конечно, не знаток этой всей мифологии, потому вместо научных подтверждений мне на ум пришел фильм «Боги Египта» с Джерардом Баттлером. Там была сцена с судьей и первой чашей весов, которую человек, вернее сказать душа умер-

шего человека, должна была наполнить чем-то стоящим. Задача заключалась в необходимости перевесить вторую чашу, определявшую ценность души человека, ее «вес». Таким способом высшие осуществляли оценку души и место, в которое она далее должна отправиться. Ад или рай не указывались там, но явно выбор был между чем-то плохим и хорошим.

Если этот Аластер верил в такой исход по завершению жизни, ну или чем-то похожим на такой, то это объясняет, для чего нужен обряд – чтобы убить, не убивая полностью, а ловец снов – чтобы в эдаком забвенном путешествии миновать тот самый суд и самому сделать дальнейший выбор. По крайней мере, именно так я все понял из скудных объяснений, описанных между актами основных действий на страницах его произведения.

Я собрал практически все нужные ингредиенты для составления и наполнения ритуального потира, за который, кстати, тоже пришлось отвалить немалую сумму денег; продавец в лавке сказал, что ни один ритуал без специально нанесенных на подобный сосуд символов не сработает, потому нужен именно такой. Пришлось его послушаться. Аластер не уточнил, какую именно посуду нужно использовать, так как я более чем убежден, что люди, которые всю жизнь подобными вещами занимаются, уж и сами знают, в какой емкости какие вещи смешивать.

Никогда не нравилось быть дилетантом, к какой бы сфере

деятельности не приходилось приложить свою руку, но это не тот случай. Мне вовсе не хочется этого делать, но раз уж взялся, то нужно довести дело до конца – это вторая основополагающая черта моего характера; подозреваю, что именно она способна скорее всех других «дурных привычек» свести меня в могилу.

Кстати, говоря о могилах, пора найти место захоронения Эвелин. Я понятия не имею где это место, знаю лишь то, что пригодных мест для этой цели у нас в городе два и одно из них весьма внушительных размеров.

– Давай же, – говорю я и оглядываюсь по сторонам в поиске девочки, сидя над злосчастной роман-газетой у выхода к тому времени безлюдного, совсем опустевшего парка. – Пора, где же ты, Эвелин? Самое время появиться.

Когда я ее не жду, она всегда рядом, но как только она мне понадобилась – не приходит. Я и без того сильно рисковал своей шкурой, когда словно пес копался под деревом посреди парка до наступления сумерек. Если бы это хоть кто-то заметил, то могли бы сразу вызывать полицию – и это было бы верно – потому как ни один нормальный человек не стал бы такого делать. «Это подрывник, он хочет взорвать детисшек в парке завтра утром», или же что-то в духе «Это маньяк-убийца и я не знаю точно, что я видела, но мне показалось, что он закапывал чью-то отрубленную руку, а может то была ветка, но вы, офицер, проверьте, да поскорее». Черт, представляю это и меня аж передергивает.

Мне стало зябко. Как-никак, уже был вечер и солнце, пусть и не так давно, зашло за горизонт. Последние его лучи, которые не успели скрыться за высокими зданиями, тусклым светом проходили мимо и создавали незаурядные тени, чем каждый раз пугали меня. Эти лучи создавали некую видимость движения то с одной стороны, то с другой. А может за мной и вправду следили?

Чтобы хоть как-то согреться я занялся замком на куртке, пытаюсь непослушными пальцами направить ригель в бегунок и наконец застегнуться. У меня это вышло не сразу, но, когда я закончил, я поднял глаза и вновь увидел стоящую перед собой Эвелин. В ее взгляде застыл вопрос «ну что, ты уже закончил, и мы можем идти, или тебе еще нужно время?».

Впервые с момента ее появления в моей жизни я как никогда был рад ее видеть, так как мы наконец-то смогли сдвинуться с мертвой точки. Я бы и правда примерз к этому месту в глупом бесконечном ожидании. Я очень сомневаюсь, что, если бы я пришел на кладбище, пройдя через главные ворота, смотритель (или даже простой сторож) поприветствовал бы меня и любезно открыв журнал со списком «жителей», вручил мне лопату и пожелал успешного осквернения могилы маленькой девочки, погребенной с четверть века тому назад.

Именно по этой причине мне необходимо, чтобы она самолично провела меня к тому месту, где лежат ее останки,

вернее, я надеюсь, что они там еще лежат, а не исчезли без следа, став кормом для червей. Ну хоть что-то ведь должно остаться, а мне именно это «что-то» и нужно – любая личная вещь. В то время, как мне известно, когда хоронили человека, всегда клали в гроб что-то из его личных вещей. Простолюдины верили, что эта вещь каким-то образом поможет усопшему там, куда отправляется его душа. Я очень скептически отношусь ко всему этому, так как привык верить, что нет никакой души и когда человек умер, то он просто умер (да-да, повторяюсь), и что класть вещи в гроб – излишняя глупость, так как тому человеку уже ничто не поможет. Видимо, это сработает только в том случае, если человек умер полностью и бесповоротно, только вот это никак не подходит на мой случай, который явно станет клиническим для меня, если же я все-таки выберусь из всего этого сумасшествия невредимым. Мой взгляд на этот мир уже никогда не будет прежним.

Просто невероятно! Призрак маленькой девочки ведет меня на кладбище для того, чтобы я раскопал ее могилу и вынул останки. Очень надеюсь, что мне не придется этого никогда и никому рассказывать.

Когда мы выдвинулись в путь, Эва предварительно указала пальцем направление, в котором нам следует идти, потому я сразу понял, что наша цель находится на северо-западном выезде из города. Не сказать наверняка, повезло нам или нет, ведь в этом имеются как свои плюсы, так и минусы; и первых

и вторых предостаточно, но именно то кладбище, на которое мы направляемся – самое большое. Странно было бы назвать его «самое большое среди всех», что есть в городе, так как их всего два, но оно было просто огромным еще тогда, когда я видел его в последний раз, а прошло уже столько лет.

Это основное кладбище, которое берет свое начало еще в далеких пятидесятых или сороковых годах. Людей, умиравших от неизлечимых заболеваний, попросту вывозили за город и безо всяких опознавательных знаков хоронили, десятками зарывая в предварительно выкопанные котлованы. Позже, когда эпидемия стихла, новоиспеченный мэр, которого само оставшееся население города и назначило, решил официально основать здесь кладбище. А что же еще здесь могло быть? Торговый центр? Школа? На месте массового захоронения людей.

Как-то приходилось слышать такое, что он даже пытался перекопать участок с целью как полагается перезахоронить тела тех немногих, которые не успели разложиться на микроэлементы. Благородный, но слишком уж опрометчивый поступок, как для здравомыслящего человека. Я считаю, что нам всем здорово повезло. Мне кажется, таким образом можно случайно выкопать какую-нибудь чуму и тем самым запустить новую волну эпидемии, а то и чего похуже.

Мэр распорядился установить сакральную арку в честь ознаменованя открытия кладбища, будто бы это какое-то торжественное открытие музея или дома культур. Арка, со-

оруженная из грубого бетона и стали стала главным входом на кладбище, а сразу после нее установили камень, на котором были расписаны имена всех погребенных здесь в то нелегкое время. Сама же территория получила металлическое ограждение из витиеватых железных прутьев и проволоки, оплетавшей все то ли для связки конструкции, то ли для красоты; сомневаюсь, что на кладбище важна красота, если говорить об ограждении.

Когда порядок был наведен, то кладбище начало своим неспешным чередом разрастаться, выходя уже далеко за пределы города и расстилаясь на добрых две с половиной мили от этой арки.

Когда я понял, что в другой конец города пешком я буду идти до самого утра (я как-то не подумал, что маленькие ножки призрака могут устать от пешей ходьбы, потому подумал только о себе), то решил воспользоваться услугой такси, машина которого как нельзя кстати была припаркована около центральных ворот парка. На часах уже пять вечера, а ведь сегодня именно та ночь, которая несколько раз описывалась Кормаком – конец второй фазы полнолуния, – а потому к полуночи я уже должен быть полностью готов зажечь ритуальную чашу и бодрым голосом наговаривать приложенное заклинание, или что оно из себя представляет, не знаю; думаю, что это все же какое-то заклинание.

Сидя уже в машине, указав водителю пункт назначения. Когда автомобиль тронулся с места, я немного подышал на

скованные вечером холодом пальцы и начал перебирать содержимое рюкзака. Фонарик, запасные батарейки, две зажигалки (я не хотел допустить ситуации, как в тех фильмах, когда бывает так, что одна из них ну никак не хочет зажигаться в самый неподходящий момент), клейкая лента, распечатки и самое главное – два сэндвича в плотном бумажном пищевом пакете; как же без подкрепления. Я уже давно проголодался, но на еду пока нет времени. Меня греет мысль, что у меня все-таки найдется чем перекусить, когда разберусь с делами.

– Это ваша дочка? – прозвучал голос водителя сбив меня с мыслей.

– Что? Эм-м...

Я не знал, что ему ответить. Я за своими личными переживаниями совсем забыл, что со мной ведь еще была Эвелин и я не подумал о том, как я вместе с ней буду садиться в такси.

– Либо я такой сонный, что даже не заметил, когда она села в машину, либо... не знаю. Простите, сэр.

– Ничего, – попытался закончить неловкий разговор с водителем, не позволив ему начаться. – Это ваша работа, я понимаю.

Остаток пути я ловил его настороженные взгляды в зеркало заднего вида и все боялся момента, когда он спросит что-то типа «а зачем вам в ночь глядя понадобилось ехать на старое кладбище, да еще и вместе с дочкой?», хотя это

и совсем не его дело. Здесь я бы точно растерялся и вообще не знал, что на подобный вопрос в моем случае можно ответить, на чем бы, опять-таки, выдал себя с поличным, а парень, закрыв замки на дверях, незаметно вызвал бы полицию и сдал меня от греха подальше – такой поступок тоже был очень даже правильным.

Но все обошлось.

Заплатив по счетчику, мы с Эвелин вышли из машины. Вместе с ней уехал и весь свет, который излучали фары и вокруг стало совсем темно, если не считать маленькой, болтающейся от ветра лампы, висевшей над аркой – главным входом на территорию кладбища. Луна пока что была не очень высоко и частично скрывалась облаками, уходящими в горизонт.

Я уже не в первый раз за время этой поездки отрепетировал возможно представившийся диалог с охранником, который ночью сидит в кибитке и каждые пару часов делает обход.

Насколько я помню с того последнего случая, когда я был здесь, это было именно так – каждые два часа по намеченному маршруту. Чтобы отвлечься и не плакать на похоронах папы (а после, довольно скоро, и мамы), я хотел казаться взрослым, я вышел из толпы друзей и родственников, присутствовавших на панихиде, и подошел к сторожу, который тихо, поодаль от всех, стоял и молча курил длинную сигарету. Он начал задавать мне вопросы и выяснять, что же та-

кой парнишка как я делает на этом грустном мероприятии. В попытке меня поддержать он рассказал мне, что занимается охраной всех, кто здесь почивает с миром. Также о том, что по специальному указанию он делает обход по строгому расписанию и следит, чтобы все было в порядке.

Подойдя еще немного ближе, я не увидел света, исходящего из окон этой сторожки. Все указывало на то, что у этого блюстителя ночного порядка сегодня, как бы ни было это странно, выходной, к моему великому счастью.

Постройку эту сложно было не заметить даже в полумраке, так как на той стороне арки начинался совсем другой мир. Я никак не ожидал, что здесь настолько все переделают с момента моего последнего визита сюда, когда меня привозили на похороны родителей, дважды. Теперь здесь все, что я вижу, не похоже на любое другое обычное кладбище, а скорее на парк, начинающийся с широкой асфальтированной аллеи, уходящей в самую его глубь, и через каждые несколько метров освещается яркими фонарями слева и справа от нее.

На противоположной стороне аллеи, прямо напротив дома сторожа (лучше рассмотрев, теперь я это строгое кирпичное здание с решетками на окнах и металлической дверью, никак не могу назвать сторожкой – времена меняются и, к счастью, правительство не забывает улучшать качество рабочих мест, в том числе и обычного кладбищенского сторожа), находится тот самый камень, на котором выгравирова-

ны имена многих захороненных здесь. Только вот минус в том, что камень этот относительно новый, потому имен людей, почивавших здесь с самого позднего, что можно взять, это двадцать четыре года тому назад (Эвелин сказала в каком-то году умерла), здесь уж точно нет.

Я не уверен, все это были лишь мои мысли, или же я произнес все это вслух, когда рассматривал камень, но глянув по направлению вглубь кладбища я увидел, что Эва уплывает вдаль от меня; она, как и всегда, передвигалась так, будто бы плыла по воздуху, совсем не касаясь земли ногами. Узнать, так ли это на самом деле, я не мог из-за ее длинного до пят платья. Видимо, она поняла, что самостоятельно я не найду ее могилы и сама повела меня.

Лопату я с собой не взял. Ясно же, что в такси я бы не сел с лопатой в руках, указав пунктом назначения городское кладбище, что было логично – ночь, мужик, маленькая девочка, лопата и кладбище, ничего не напоминает? Как минимум, интересный сюжет для первой полосы в новостной газете. Единственной надеждой было бы каким-то образом договориться со сторожем, ну или же каким-либо иным образом заполучить лопату у него; но на это уже не осталось времени, так как Эвелин лишила меня такой возможности и мне пришлось бежать вслед за ней, чтобы не потерять ее из виду.

Луна, которая к тому времени поднялась уже намного выше в ночное небо, выплыла из-за облаков, позволяя увидеть

все это несметное количество надгробий. Это памятное уходит настолько далеко, что конца территории кладбища я так и не увидел. Через каждые двадцать-тридцать могил, влево и вправо аллея пускала узкие дорожки, ведущие к склепам. Они стройным рядом располагались вдоль всей северной и, соответственно, южной стороны кладбища вдоль металлического ограждения. На одну из таких дорожек свернула девочка.

Подойдя к ним вплотную, она остановилась, будто бы пытаясь ощутить что-то в воздухе, после чего вновь поплыла дальше, но уже вдоль склепов, в то же время касаясь каждого из них рукой, вытянутой в их направлении.

Мне ничего не оставалось, как молча следовать за ней. Ветер, подувший с поля, путь которому более не преграждали ни деревья, ни многочисленные городские здания, окатил мне лицо свежестью, чем будто бы снял пелену с глаз, которая окутала и вела меня к цели, как марионетку. Я вдохнул холодного осеннего воздуха и осознал, что я ночью с призраком девочки бреду вдоль каменных могил и ища ту самую, которую мне придется открыть и вынуть оттуда что-то, некогда принадлежащее давно умершей малышке. Я ничего более сумасшедшего в своей жизни не делал.

Я огляделся по сторонам, проверяя, не следит ли кто-нибудь за нами. Это ощущение преследует меня с самого утра, еще когда я вышел из квартиры, столкнувшись с теми здоровяками. С того момента у меня то ли паранойя развилась,

то ли все взаправду, но это странное чувство, что я всегда не один, меня не покидало и до этой поры, хотя я и старался не обращать на него внимания.

Будто бы очнувшись от какого-то сна, я протер руками лицо, ощупал асфальт под ногами и двинулся дальше.

Кровь стынет в жилах от мрачности событий последних суток моей жизни, но сердце в груди колотится как никогда быстро. Думаю, если я сейчас присяду хотя бы на минутку, чтобы отдышаться и успокоиться, то тут же упаду замертво от какого-нибудь кровоизлияния в мозг, или чего-то еще в этом роде, а сейчас, сам того не понимая, живу на адреналине, – сам себе мысленно пытаюсь объяснить положение своих же дел и оценить ситуацию; пусть и не здраво, но хоть как-то.

В тот самый момент, когда я боролся с нарастающей паникой внутри себя, хотя, может это и не паника, но точнее я не могу описать это ощущение, Эвелин остановилась, указывая крохотной ручонкой на склеп слева от нее.

Мы пришли.

Сделав несколько глубоких вдохов, я подошел к этому бетонному сооружению, которое своими внушительными размерами напоминало небольшой гараж для одной легковой машины. Оценив размеры плиты, перекрывающей вход и свои силы, я приложился к ней сбоку плечом и, как следует навалившись, не без труда, начал мало-помалу сдвигать ее с места, открывая путь в зияющую чернотой беспросветную

тму могильного склепа.

Закончив с плитой, я достал и зажег фонарик, чтобы видеть куда делать следующие шаги. Запах изнутри исходил настолько мерзкий и тошнотворный, что мне пришлось закрыть лицо рукавом куртки, иначе бы меня попросту вывернуло остатками завтрака; если они еще были где-то в желудке, что очень маловероятно, с учетом того, что я ел последний раз не менее десяти часов назад (я совсем позабыл о тех сэндвичах, которые я упаковал в сумку сегодня утром. Так всегда бывает, когда я чем-то сильно увлечен).

На самом деле очень странно, что спустя столько лет запах все еще сохранился. Наверное, все дело в том, что помещение было плотно закрыто и в него не поступал ни кислород, ни солнечный свет.

Осветив перед собой путь, я сделал еще несколько шагов вперед. Эвелин прошла вслед за мной. Дышать становилось все легче – ощущалось, что комната наполняется привычным для меня воздухом. Внутри я заметил, что сам склеп разделен на четыре части, каждый из которых предназначался для захоронения отдельного человека – четыре бетонных полки с углублениями висели на стенах, приколоченные железными цепями. Ну да, было бы слишком расточительно возводить такое помещение лишь для одного.

Девочка немедля подошла к одному из углублений у дальней стены и остановилась около него, опустив голову. Мне было не понятно, то ли она скорбит по самой себе, то ли по-

казывает мне, что она нашла свое тело, потому я сразу подошел к ней.

– Это... это ты, верно, Эва? – спросил я немного робко и большим состраданием в голосе. Я уже выяснил, что даже призраки испытывают чувства, там, на поляне в парке, потому, как бы ни было мне неприятно все это, я не мог столь холодно и беспристрастно говорить о лежащих передо мной останках в присутствии их владельца.

Девочка медленно кивнула головой, после чего сразу же, словно дым от сигареты, бесследно растворилась в воздухе.

На часах уже без четверти десять, а это значит, что времени у меня менее двух часов и пора бы поторопиться, чтобы успеть все приготовить.

Скелет, который, по моему мнению, должен был уже полностью разложиться и изветшать, исчезнув полностью, по-прежнему сохранял свою целостную структуру, почти как тот школьный экспонат в кабинете биологии. Только был он в разы меньше и покрыт толстым слоем черной пыли, глубоко въевшейся в кости, и остатками сгнившей одежды, в которой тело девочки было помещено сюда.

Обыскав все вокруг, я не смог найти ничего, принадлежавшего ей, но это, как я понимал теперь, было и не нужно, ведь сам скелет подойдет как нельзя хорошо в качестве «какого-то личного предмета усопшего».

Хорошо, если так оно и есть. Шанса на ошибку у меня нет и возможности повторить ритуал, в случае неудачи – тоже,

потому все должно быть наверняка.

Я остановился напротив полки и, в который раз рассматривая скелет с фонариком, надеялся, что все же что-то упустил; и я был прав. Не встань я под этим углом, то не заметил бы слабого блеска в левой кисти скелета в тот момент, когда ее касался луч фонаря. Это была маленькая подвеска на тонкой, возможно, серебряной цепочке, которую, как я понимаю, девочка крепко сжимала в руке прямо перед смертью. Как я узнал через минуту – именная, подаренная ей родителями. Открыв ее, я увидел их совместное фото и подпись «С любовью Эвелин от родителей».

Жутко находиться в этом месте и ощущать себя расхитителем гробниц. Не представляю, как бы я мог оправдываться, появившись сейчас на пороге этой бетонной комнаты какой-нибудь полицейский или сторож. Расскажи я правду, то меня тут же упрячут в психушку, а если солгать – за решетку.

Половина одиннадцатого и времени на то, чтобы перебирать свои переживания и этические несогласованности у меня не осталось.

Расстелив на полу платок, в который я обернул некоторые из ингредиентов, я стал вынимать все содержимое из рюкзака и начинать готовить потир.

Скелет девочки занимал чуть больше половины всего места на погребальной полке, потому я с легкостью смог разместить на ней чашу, прямо у головы; только пришлось немного подвинуть череп в сторону, от чего издался резкий непри-

ятный хруст кости в районе шеи. Я отпрянул назад с извинениями, будто бы сделал что-то ужасное. Эвелин по-прежнему нигде не было видно.

Уложив в емкость все строго по списку, я услышал чьи-то шаги за спиной. Серьезно перепугавшись я погасил фонарь и затаил дыхание, будто бы мне это могло как-то помочь не быть обнаруженным.

Луна к тому времени уже была высоко в небе, потому, обернувшись, я увидел четкий силуэт человека в длинном пальто и шляпе, а в руке его поблескивал пистолет, направленный прямо на меня.

Ошибки быть не может – это тот самый коллекционер, кем бы ни был он на самом деле. Думается мне, что сейчас я узнаю о нем гораздо больше, если он не убьет меня на месте.

– Вор ты где, вор! Хотя я изначально знал, где и когда тебя искать. Что же ты, роль доброго самаритянина решил сыграть и помочь девчонке?

Вряд ли он отпустит меня живым. Скорее всего просто застрелит и задвинет плиту входа в склеп, потому я уже не ограничивался в выражениях, лишь дрожь в голосе выдавала мой страх.

– Вор? То, что вы мне дали, я вернул, честно выполнив свою часть уговора, не так ли?

– Не прикидывайся дурачком, – продолжал мужчина. Если бы у тебя не было второй части, принадлежащей мне по праву, то ты бы не смог зайти так далеко. А я уже очень дав-

но ищу эти рукописи Кормака. Так верни же ее мне, сейчас же! Этот чертов старик и после смерти доставил мне немало хлопот.

– Я в этом нисколько не виноват, сэр, – пытаюсь как-то успокоить его и зачем-то заговорить. Не представляю, что мне делать дальше. Если я сейчас отдам ему то, чего он хочет, это будет означать, что все мои труды напрасны.

Он что-то прорычал в ответ. Не видя иного выхода, я решил отдать ему рукописи.

– Зачем вам эти бумаги? Нет, я отдам вам их. Я лишь хочу знать...

– Не твое собачье дело! Я половину жизни за ними охочусь и не собираюсь вот так, уже чувствуя запах добычи, начинать объясняться какому-то непросвещенному, вроде тебя.

– Непросвещенному? А может я уже знаю о вашей древней общине гораздо больше, чем вам кажется? Кормак многое мне рассказал в этой второй части, которая, к слову, сейчас не здесь (хотя она лежит позади меня на полке, рядом со скелетом девочки; сейчас важно было импровизировать). Я расскажу вам где она при условии, что вы...

– Да кем ты себя возомнил! – прошипел тот и бросился на меня, но не сделав и шагу, свалился на пол, за мгновение до этого встретившись головой с чем-то резко блеснувшим в полумраке. Когда улеглась многолетняя пыль, клубами поднявшаяся от падения тела мужчины, я увидел девушку в ка-

пюшоне, сжимавшую в руке черенок от лопаты. Видимо, от удара металлическое основание отломалось от рукояти.

– Да ты его убила! Кто ты, на хрен, такая? – завопил я тут же, позабыв о недавней угрозе своей жизни. В отличие от первого «гостя», я не ощущаю, что эта девушка хочет мне навредить, а потом забрать газету. Не могу этого объяснить, но злобой от нее не веет.

– Не светите в лицо, – первое, что сказала она, когда сняла капюшон. Я машинально направил фонарь ей в лицо, чтобы увидеть наконец кто же она такая, но забыл, что это, в общем-то, как минимум, не этично.

– Простите. Я...

– Меня зовут... В прочем, это не важно, по крайней мере сейчас. У нас осталось десять минут до полуночи, и я очень рада, что успела. Моя сестра...

– Ваша сестра? Эвелин? – удивленно спросил я.

– Да. Слушайте, может потом все расспросы, а? Вы все приготовили?

– Все готово.

– Кроме последнего, – протягивает мне что-то маленькое и говорит бросить это в чашу ко всем остальным ингредиентам. – Она очень любила его.

Выяснять, что все-таки это было, я не стал и молча поместил ко всему остальному.

Когда я чиркнул зажигалкой и поднес ее к потиру, тот моментально загорелся, будто бы в сосуде было какое-то горю-

чею. Удивляться времени не было, к тому же, это уже были сущие пустяки, по сравнению с тем, что мне довелось увидеть и пережить за последнее время.

Сестра Эвелин светила на распечатки, с которых я старался максимально четко и выразительно зачитывать подготовленные строки, те самые, что было указано произнести во время горения пламени.

Когда я закончил, вспышка яркого света вырвалась из чаши и пролетела мимо нас, устремившись к центру комнаты, где соединилась с еще одним чуть менее ярким, метавшимся из стороны в сторону сгустком света. Став одним целым, оно закружилось на месте, затем резко рассыпалось на тысячи мелких ярких точек, тут же ослепив нас на несколько секунд, после чего все эти осколки упали на пол и разом померкли, будто бы их и не было.

Шелест страниц, похожий на тот, что был у меня в офисе, когда Эва листала рукопись, но более быстрый, заставил нас обернуться и мы увидели, как газета закрылась и тут же истлела, превратившись в пепел.

Я всегда думал, что это должно быть чем-то вроде сцены из фильма, где призрак улетает куда-то в небытие, прощаясь со всеми близкими и желая им быть счастливыми и ценить свою жизнь, а не вот так. Но это, как ни крути, реальность, а не фильм.

Какое-то время мы стояли молча, даже не двигаясь, чтобы убедиться, что все закончилось.

Слез на лице девушки я не мог видеть, даже самого лица ее я не мог рассмотреть в сумерках, но мог слышать негромкие всхлипывания, и я понимал почему. Вряд ли это были слезы горя. Скорее, она была счастлива, что все же ей удалось избавить свою младшую сестренку от мучений, которые ей приходилось переживать из года в год.

Удалось, спустя столько лет.

Услышав, что она плачет, я приобнял ее за плечи, а она не сбросила моей руки.

– Честно сказать, – заговорила она. – Я надеялась хотя бы поговорить с ней напоследок. Жаль, немного. Я лишь рада, что у нас все же получилось.

Понимая, что минута слабости уже позади, я решился задать ей накопившиеся вопросы. Я понимаю, что обстановка для милого общения не совсем подходящая, мягко выражаясь, но не думаю, что мы еще когда-либо встретимся с ней после этой ночи.

– Я хотел спросить, кто же вы, но...

– Я Тия – младшая сестра Эвелин.

– Младшая... – протяжно проговорил я куда-то в пустоту. Я уже успел привыкнуть к тому, что Эва маленькая девочка и совсем позабыл, что будь она сейчас жива, то была бы уже совсем взрослой женщиной, а стоявшая около меня Тия по голосу была не старше двадцати пяти лет.

– Да, когда мне было четыре, мама отдала меня на воспитание своей двоюродной сестре. Как я узнала позже, то

она знала все об интересах родителей. Хотя сама считала их бреднями сумасшедшего, она никогда и не выражала им по этому поводу своего мнения.

Я молча слушал и не позволял себе перебить ее даже несмотря на то, что вопросов у меня становилось все больше.

Тя продолжала:

– Она рассказала мне обо всем лишь на четвертую годовщину смерти родителей, а потом передала эту роман-газету, к которой, как я поняла уже тогда, был привязан дух моей сестренки. Я не знаю почему та не являлась моей тетке, а лишь мне и вам, но это, по сути, и не важно.

– Ясно, – ответил я многозначительно, но в моем голосе слышалось обратное, говорившее, что столь много чего мне еще далеко не ясно. – Как вы оказались здесь? Вы знали, когда это должно произойти?

– Хах, вы и правда считаете, что смогли бы проделать весь этот путь самостоятельно? Да вас прихлопнули бы еще утром, если бы я не развалила вашу контору.

– Что?! – взорвался я. – Это вы ее так?? Но почему?

– Я прекрасно знаю этого Яна, который тихонько отдыхает перед нами. Он ни перед чем бы не остановился, даже если бы ему пришлось вас убить. Возможно даже этим, – показывает мне револьвер, который недавно находился в руке у первого нежданного гостя.

– Он много лет руководил подобными организациями и был прямым последователем Аластера Кормака. У этого ста-

рика много тараканов в голове было и этот ритуал далеко не единственный, который он оставил миру в качестве проклятого наследия, потому будут и другие. А что насчет вас, то мне необходимо было показать вам всю опасность ситуации, но приближаться к вам лично я не могла. Его люди сразу бы меня узнали. По правде говоря, я удивлена, что он сюда пришел один. Уж простите, но это была исключительно вынужденная мера.

Еще несколько минут она рассказывала мне о причинах и следствиях происходящего, о том, как она следила за мной начиная с того дня, когда увидела этого Яна у меня в конторе; о том, как заметала за мной следы в каждой лавке, в которую я заходил в поисках всех составляющих, скажем так рецепта для ритуального огня.

В ходе беседы я достал из рюкзака помятые сэндвичи, но это никак не помешало с аппетитом их съесть, присев в пыль прямо на пол. Мы даже смеялись, вспоминая некоторые моменты из тех времен, когда она впервые увидела призрак сестры и то, как отреагировала тогда; сейчас это казалось смешным, хотя оттого и не менее грустным.

Потом Тия резко изменилась в голосе и сказала:

– Вы же понимаете, что рукописи нужно сжечь, а этого... В общем, вам этого знать не нужно. Давайте бумаги сюда.

После того, как она взяла у меня распечатки и зажигалку, она начала поочередно, один за другим, сбивать их в комки и поджигая, бросать на пол между нами и Яном.

– Немного тепла нам сейчас не помешает, – не без доли иронии в голосе сказала она.

– Какого хрена, – еле слышно пробурчал Ян сквозь кашель, видимо, наглотавшись пыли, и гул в голове от удара лопатой, приходя в себя после получасовой отключки.

– Вот они, письма Кормака. Дают нам тепло и свет. К сожалению, ничего, кроме пепла тебе не достанется, – сказала Тия, бросая в догорающее пламя последний из листов моей распечатки, размахивая в то же время револьвером в руке, который красиво отражал на стальном корпусе все переливающиеся язычки огня.

– Ты достаточно натворил бед за свою жизнь, Ян. Достаточно, да?

– Да уж, – простонал тот, пытаясь подняться на ноги, но тут же упал обратно.

– Мистер, я думаю, что вам уже пора, – говорила Тия уже в мой адрес.

– Меня зовут...

– Прошу меня извинить, но я не хочу знать вашего имени. Я безгранично благодарна вам за помощь мне, – выдержала паузу в несколько секунд и добавила. – Мне и моей сестре. Правда, очень благодарна, но мне будет лучше знать о вас как можно меньше, ради вашего же блага. А сейчас, вам уже пора. Здесь я сама разберусь.

– Но что?.. Может, я могу чем-то помочь? – уже поднявшись на ноги, попытался спросить я, но девушка настойчиво

попросила меня уйти, давая мне понять, что свою роль я выполнил и окончание этой истории уже совсем не моя забота.

– Мистер, мы с вами никогда не встречались, да? – она уставилась на меня со взглядом, ожидающим абсолютного подтверждения этого же с моей стороны.

– Разумеется, – отвечаю я, забираю рюкзак, выхожу со склепа и ухожу прочь. Вслед она мне крикнула, чтобы я не беспокоился о стороже, сказала, что он просто отдыхает и с ним все в порядке. Я не стал задавать больше вопросов и вышел в ночь.

Лишь единожды я обернулся, вскользь бросив последний взгляд в том направлении, но после ушел и больше никогда не встречал не Тию, не Яна, как и кого-либо из людей, кто мог бы чем-то напомнить мне о событиях той ночи.

Благополучно добравшись домой, я забрал Симона, а позже, отоспавшись, съездил за сканером, купленным мною накануне тех событий, и начал восстанавливать свою прежнюю жизнь, хотя прекрасно понимал, что прежней она уже никогда не будет.